

ЕКАТЕРИНА
МОРАВИНЦЕВА

НОВЫЙ ГОД ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ, ИЛИ ТАМ ГДЕ МАША НЕ ПРОПАДАЛА

Екатерина Мордвинцева

Новый год вверх тормашками, или Там где Маша не пропадала

<https://litres.ru/74211368>

Аннотация

Я — человек, у которого всё и всегда разложено по полочкам, на каждый шаг у меня есть свой идеальный план действий, где всё предусмотрено до мелочей. И этот Новый год должен был стать одним из таких чётких планов.

Вот только я не учла, что даже самый продуманный план может рухнуть как карточный домик. И вот я стою не пойми где с огромной палкой в руках, а у моих ног лежит то ли труп, то ли просто хороший артист. И что теперь делать? Я в тюрьму не хочу! Так... И куда тело теперь прятать? Боюсь, тут даже план не поможет... Думай, Маша, думай!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	31
Глава 3	48
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Планирование — это не просто мой принцип. Это мой щит и мой якорь в этом хаотичном мире. Сидя в уютном кафе, за чашкой идеально остывшего до комфортной температуры чая, я с чувством глубокого удовлетворения смотрела на подруг. Мой кожаный блокнот был открыт на странице с заголовком «Новый год: стратегия и тактика». Колонки «Бюджет», «Логистика» и «Цели» были аккуратно заполнены. Оставалось лишь поставить жирную галочку напротив выбранного варианта.

— Ну так что решать будем? — от нетерпения моя нога ритмично постукивала по ножке стула. Я терпеть не могу, когда решения затягиваются. — Мы уже третью неделю ходим по кругу, как белки в колесе. Пора определяться.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — буркнула Крис, с вечно недовольным видом отпивая свой латте. Её спонтанность и нежелание структурировать свою жизнь всегда вызывали у меня лёгкое недоумение. — Всё равно везде толпы, шум, всё забито...

— Кто бы сомневался, — заливисто рассмеялась Лера. Её смех, как фейерверк, взорвался в тишине зала, заставив пару за соседним столиком обернуться. Я непроизвольно выпрямила спину. Слишком эмоционально, слишком шумно. — Тебя, Крис, вечно никуда не вытащишь. Твой идеальный

вечер — это диван, плед и сериал.

— Не правда! — губы Крис надулись, словно у обиженного ребёнка. — Я просто не понимаю, зачем тратить кучу денег и нервов, чтобы оказаться в давке!

— Девчат, хватит! — мой голос, отточенный на рабочих планерках, прозвучал чётко и властно, немедленно прекращая лепет. Я положила ладонь на раскрытый блокнот, пригвоздив его к столу. — До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже мы в режиме жёсткого цейтнота по поиску билетов. Каждая минута промедления — это минус один доступный рейс и плюс пять тысяч к бюджету. Говорим по делу.

Я мысленно прокручивала все логические цепочки, сверяясь со своим внутренним чек-листом. Бюджет, транспортная доступность, отзывы, погодные условия.

— У кого какие конструктивные предложения? — я взяла инициативу в свои руки, привычным жестом поправив прядь русых волос. Беспорядок в мыслях надо останавливать так же, как и беспорядок на столе.

Обсуждение покатилося по предсказуемому сценарию: радужные фантазии Женьки о море, здоровый скепсис Инги. Я лишь поправляла манжет своей белой блузки, мысленно составляя таблицу рисков.

— Я на море хочу! — мечтательно протянула Женька, закатив глаза. — Представьте: тёплый песок, шепот волн, шампанское под бой курантов... Романтика!

— Размечталась, золотко! — фыркнула Инга, не отрываясь от своего телефона. — С нашим-то бюджетом максимум на картошку в Подмоскovie светит. Или на какую-нибудь убитую базу отдыха с тараканами в номере.

— Фу! — поморщилась Лера. — Не хочу я на базу! Скучища смертная. Там даже флиртовать не с кем — одни семьи с детьми да пьяные компании.

И когда Инга с возгласом «О!» объявила о горящем туре, мои серо-зелёные глаза сузились от делового интереса. Это пахло реальной возможностью.

— И куда? — спросила Крис, с внезапным интересом отодвигая от себя тарелку с десертом.

— Потом сюрприз будет, — загадочно подмигнула Инга, запуская в воздух эту непозволительную легкомысленность.

Мой внутренний планировщик взбунтовался. Сюрпризы — это анархия.

— Нет-нет-нет! — парировала Крис, и я мысленно с ней согласилась. — Как минимум, я должна знать, что с собой брать! Зимние вещи? Летние? Пляжные наряды? Это же базовые вещи!

— Трусики, бусики и денег побольше! — снова раскати-сто хохоча, вставила Лера.

— Ну я серьезно! — обиделась Крис.

— Да ладно тебе, — сдалась Инга, наконец-то переходя к фактам. — Курортный городок. Море, солнце, всё как ты хотела, Жень. Цена — просто даром.

Мой мозг тут же запустил поиск по ментальной базе данных: «пляжи, 4.2 балла, трансфер — 30 минут, средний чек в ресторанах...» Логично, бюджетно, соответствует ключевым параметрам.

— Идёт! — решительно заявила я, прежде чем кто-то успел начать новый виток дискуссии. — Согласны или нет, возражения не принимаются! Празднуем новый год под яркими лучами солнца! — я подняла свою чашку с травяным чаем, в котором не было ни грамма кофеина. Я уже знала, что мой чемодан будет собран с педантичностью швейцарских часов ровно за сорок восемь часов до вылета, а список вещей будет выверен до носков.

— За новогоднее приключение! — хором, со смехом и энтузиазмом, поддержали меня подруги, звонко стукнувшись чашками.

Последние дни перед отлётом прошли в режиме чёткого исполнения плана. Мой чемодан, разложенный с помощью органайзеров, был произведением инженерного искусства. Каждая вещь имела своё место, вес багажа соответствовал норме с точностью до ста граммов. Папка с документами — брони, страховки, распечатанные карты — лежала на самом верху рюкзака. Я чувствовала то самое предотпускное упоение, когда всё идёт по расписанию.

Идиллию нарушил Артём. Он заглянул ко мне вечером, за два дня до вылета, и я, всё ещё находясь в эйфории от идеальной упаковки, сообщила ему радостную новость.

— Представляешь, мы всё-таки нашли отличные путёвки! Прямой рейс, всё включено. Будем встречать Новый год с девчонками прямо на пляже!

Он смотрел на меня, и его лицо постепенно темнело.

— С девчонками? — переспросил он ледяным тоном. — То есть, я так понимаю, я в эти планы не вхожу?

Меня будто окатили ледяной водой.

— Артём, но это же чисто девичник! Это наша традиция с подругами. Мы же обсуждали...

— Ничего мы не обсуждали, Маш! — он резко встал и начал ходить по комнате. — Ты просто поставила меня перед фактом. Как всегда. Твой чёртов план, твой график! Ты неделями составляла списки, сравнивала отели, но удостоить меня парой фраз: «Артём, а как ты на это смотришь?» — это было ниже твоего достоинства?

— Но это же не про нас! — попыталась я возразить, чувствуя, как раздражение поднимается комом в горле. — Это отдельно. Я же не тащу подруг в наши с тобой поездки!

— А я где в твоей жизни, Маш? — он остановился напротив меня, и его глаза горели обидой и гневом. — В графе «прочее»? В ячейке «свидание по вторникам и четвергам»? Ты просто используешь меня, когда тебе удобно, как удобный аксессуар, который не нарушает твоего идеального рас-

писания!

Его слова ранили больше, чем я ожидала. Потому что где-то в глубине души я понимала, что в них есть доля правды.

— Это несправедливо, — прошептала я, но он уже не слушал.

— Знаешь что? — он с силой провёл рукой по волосам. — Хватит. Мне надоело быть пунктом в твоём ежедневнике. Мы расстаёмся. Наслаждайся своим расписанием и своим идеальным, распланированным по секундам Новым годом!

Хлопок входной двери прозвучал как выстрел. Я стояла посреди комнаты, в полной тишине, и ждала, что на меня обрушится волна горя, отчаяния... Но ничего не пришло. Лишь пустота и то самое раздражение от незапланированной помехи, сорвавшей важный проект. Я и правда не любила его. Он был удобен, приятен, вписывался в график. Но его слова... Они задели меня за живое, потому что били не в него, а в самое главное. Почему никто не понимает, что план — это не каприз, не проявление чёрствости? Это способ выжить. Способ уберечь себя и тех, кто рядом, от хаоса. Без плана — это просто плыть по течению, а меня, как назло, всегда укачивало.

В аэропорту, несмотря на суматоху, я поначалу чувствовала привычное спокойствие. Всё было под контролем. Я проверила документы, сдала багаж, прошла контроль. План действовал. Пока не начал сыпаться, как карточный домик.

Первой ласточкой стал видео-звонок от Инги. Её лицо на экране моего телефона было искажено гримасой ярости.

— Девчонки, вы не поверите! — почти рыдала она. — Этот тварюга, этот пиявка в костюме босса, только что свалил на меня кипу документов! Говорит, срочно нужно оформить к утру! Я не полезу!

— Инга, всё-таки жаль, что твой босс такой гад оказался, — с искренним сочувствием в голосе сказала Варя, пристроившаяся рядом со мной.

— Жаль? Да я его придушить готова! — вспыхнула я, чувствуя, как гнев закипает во мне. Это же надо было так подставить человека! — Я не понимаю, почему нельзя было дать тебе эти важные документы раньше? Он что, специально ждал, пока ты начнешь собирать чемодан?

— Мне уже кажется, что да! — мрачно подтвердила Инга. — Чтобы праздник мне испортить. Ну ладно... Вы там держитесь. Веселитесь за меня.

Я мысленно поставила галочку напротив «ЧП №1: Невылет Инги по работе». План начал корректироваться. «Прибытие. Трансфер. Заселение. Распределение комнат всемером».

Потом — Крис и Оля. Мониторинг их местоположения в моём телефоне показывал, что они уже давно должны были быть здесь. Моё внутреннее напряжение стало нарастать.

— А Крис и Ольга где пропали? — с нарастающей тревогой в голосе спросила я, когда Инга отключилась.

— Надо бы им позвонить, — Варя настороженно осмотрелась по сторонам, словно пытаясь высмотреть их в толпе.

Звонки Кристине уходили в пустоту. С каждым безответным гудком комок тревоги в моей груди сжимался всё туже.

— Ты чего такая? — подошла Женька, поставив свой ярко-розовый чемодан. — Будто пыльным мешком тебя огрели. Лицо белое.

— Кристинка не отвечает, — сдавленно произнесла Варя, снова набирая номер.

— Так они с Олей должны были вместе приехать. Сейчас я ей позвоню, — Женька быстрым движением достала телефон.

Наконец на звонок ответили. Мы все, затаив дыхание, смотрели на Женьку. Её лицо постепенно теряло краски.

— Ну наконец-то! Не дозвонишься вам! Вы где? Скоро вылет! — она замолчала, слушая, и её пальцы сжали телефон так, что костяшки побелели. — Что?! ... Она сильно пострадала? ... А ты? ... Поняла... — Она опустила руку с телефоном и посмотрела на нас широко раскрытыми глазами. — Девчонки... Они в аварию попали.

Ледышка страха пронзила меня насквозь.

— Живы? — единственное, что я смогла выдохнуть.

— Живы, слава богу. У Крис легкое сотрясение, её в больницу повезут. Оля отделалась ушибами. Они сказали, чтобы мы летели без них.

— Но как же? — почти вскрикнула Варя. — Надо к ним!

Срочно ехать!

— Они в порядке! — уже почти крикнула Женька, сама находясь на грани паники. — Оля сказала, что мы ничем не поможем, только сами рейс пропустим!

В этот момент по громкой связи раздалось долгожданное, но прозвучавшее как приговор объявление: «Пассажиры рейса..... Начинается посадка...»

Сердце у меня упало куда-то в пятки. Выбор между долгом и чувством. Между планом и хаосом.

— Идемте! — скомандовала я, и мой голос прозвучал хрипло, но не допускающим возражений. Я первая рванула к стойке регистрации, чувствуя, как за спиной девушки нехотя, но послушно потянулись за мной. Контроль над ситуацией ещё можно было удержать.

И тут случился полный, тотальный коллапс. Апофеоз беспорядка.

Мы уже прошли контроль и ждали Дашу, которая подошла к сотруднику с документами. Она улыбалась, помахала нам рукой.

— Даш, мы ждем! — крикнула ей Женька.

И в этот момент я увидела, как улыбка на лице Даши сменилась маской абсолютного недоумения, а затем паники. Она побледнела, как полотно.

— Ой... — её голос был тихим, но он прозвучал для меня громче любого грохота аэропорта. — Меня обокрали. Документов нет. Сумку разрезали.

— Что?! — это был не крик, а какой-то животный рык, вырвавшийся из самой глубины моей души. Я ринулась к ней, через все барьеры, но сотрудница аэропорта, непробиваемая, как бетонная стена, грубо перегородила мне путь.

— Девушка, проходите, не задерживайте! Ничего нельзя сделать!

— Но у нас там подруга! Её обокрали! — закричала я, чувствуя, как слёзы бессильной ярости подступают к глазам. Это был уже перебор. Слишком.

— Не волнуйтесь. Всё разберут. Проходите.

Меня буквально отпихнули дальше. Я шла, оглядываясь на потерянную, испуганную Дашу, и чувствовала, как трещины пошли по всему идеальному фасаду моего мира, руша его в тартарары.

На борту самолета, пристёгнутая ремнём, я слушала безразличные, отточенные объяснения стюардессы. Мой безупречный план лежал в руинах. Из семи подруг в самолёте сидели только мы трое. Я закрыла глаза, чувствуя, как отчаянно бьётся пульс в виске. Идиотская, нелепая, унижительная ситуация. Полный, абсолютный провал. Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Рядом со мной, у окна, сидела Варя. Она не говорила ничего. Просто смотрела на меня — не с паникой, а с тихим, глубоким пониманием.

— И что делать теперь? — прошептала я, обращаясь боль-

ше к самой себе, чем к ней. Голос срывался от накопленного напряжения. — Одну с работы не отпустили, двое в аварию попали, третью обокрали и не пустили! В итоге вчетвером летим, как последние идиотки, на этот дурацкий Новый год! Это похоже на злую шутку!

Я отвернулась, глядя на спинку кресла передо мной, пытаясь взять себя в руки. Но всё, что копилось все эти недели и дни, вырвалось наружу. Тишина между нами была плотной, живой.

— И с Артёмом мы расстались, — вдруг вырвалось у меня шёпотом, так тихо, что услышать это могла только Варя. — Прямо перед вылетом. Устроил истерику. Сказал, что я робот и живу по плану, в котором для него нет места.

Я повернулась к ней. В её глазах не было ни осуждения, ни удивления, лишь тихая грусть и вопрос.

— А знаешь, что самое обидное? — продолжила я, уже громче, с внезапной, горькой откровенностью, которую не могла сдержать. — Что я по нему даже не грущу. Ни капли. Но он был прав в одном... План — это важно. Это единственное, что не подводит. Это карта в незнакомом городе, это инструкция к сложному прибору под названием «жизнь». А они все как будто не понимают! — голос снова дрогнул. — Что без плана мы просто щепки, которых несёт бурным потоком, чтобы разбить о первые же камни. И я... Я просто пытаюсь построить плотину. Для всех нас. А они считают меня занудной и бесчувственной.

Варя молча положила свою тёплую руку поверх моей холодной, сжатой в кулак. Она не говорила ни слова. Но в этом молчании, в этом простом жесте было больше понимания, чем в любых словах.

А в моей груди, под слоем разочарования, обиды и крушения всех идеальных схем, шевельнулось что-то новое — осознание, что, возможно, моя плотина не выдержала не потому, что была плохой, а потому, что сдерживала не ту стихию.

Самолёт с грохотом оторвался от взлётной полосы, и перегрузка вдавила меня в кресло. Я смотрела в иллюминатор на уходящий в облака город, оставляя позади не только его, но и старую, так тщательно спланированную и так безнадёжно треснувшую версию себя. И против всех правил, против всей моей логики, мне стало до ужаса страшно и до дрожи интересно, что же будет дальше.

Глава 1

Холодный мрамор тронного зала впивался в колени Ричарда Адриана Вельторвидса Третьего ледяными иглами. Он не сидел на троне — огромном, готическом сооружении из черного дуба, увенчанном высеченными из горного хрусталя скипетром и державой, символами власти, которые он ощущал не как честь, а как кандалы. Нет, он стоял на коленях перед ним, взирая на свой пустой трон, как на монумент собственного поражения.

Спустя сотни лет божественной немилости тронный зал стал олицетворением всего Остерферда. Когда-то стены здесь были расписаны фресками, изображавшими благословенные «Эпохи Единения», когда короли и королевы правили рука об руку с избранными сердцами. Теперь от фресок остались лишь поблекшие тени, а по стенам ползла сырая плесень, словно сама душа королевства гнила изнутри. Воздух был густым и тяжёлым, пахнущим пылью веков и увядшими надеждами.

«На престол Остерферда может взойти лишь наследник короля и его истинной пары». Эта запись в «Великом Уложении» жгла его изнутри ярче любого раскаленного железа. Он, Ричард, последний в роду Вельторвидсов, был обречен остаться бездетным. Боги, разгневанные давно забытой изменой одного из его предков, отобрали у его народа вели-

чайший дар — способность обретать истинные пары. Души больше не находили своих половин. Сердца не зажигались божественной искрой. Браки заключались по расчету, по договоренности, по слабой тени привязанности, но дети, рожденные в таких союзах, считались «пустыми», не несущими в себе благословения крови, необходимого для восхождения на престол.

Без истинного наследника престол становился лакомым куском для любого, у кого хватило армии и наглости. Герцог Лорвин с его вечно голодными глазами и верными ему полками на востоке. Графиня Изабелла с её паутиной интриг и деньгами, которых, казалось, было больше, чем звезд на небе. Они уже шептались в коридорах, их взгляды, полные скрытых угроз, говорили красноречивее любых слов. Война за престол была не вопросом «если», а вопросом «когда».

— Ваше Величество, вы просите меня доложить о неблагоприятных настроениях при дворе, — раздался у него за спиной тихий, но твёрдый голос.

Ричард не повернулся. Он узнавал эту поступь — лёгкий шорох бархатных мантий и мягкий стук посоха о каменные плиты. Это был Ардон, его верный советник, последний хранитель древних знаний и, возможно, единственный человек во всём королевстве, которому он доверял без остатка.

— Говори, старый друг, — глухо отозвался король, всё так же глядя на пустой трон. — Усилился ли кашель у герцога Лорвина? Или, быть может, у графини Изабеллы вновь раз-

болелась голова от избытка амбиций?

Ардон приблизился. Его длинная седая борода и покрытая морщинами маска лица скрывали возраст, который, казалось, исчислялся веками. Глаза же, ярко-синие, как летнее небо, горели неугасимым огнём интеллекта и преданности.

— Их недуги, Ваше Величество, носят сугубо политический характер, — сухо заметил маг. — Лорвин стягивает наёмников к столичным границам под предлогом «учений». Изабелла щедро одаривает золотом капитанов городской стражи. Они чувствуют слабость. Они чувствуют конец вашей династии.

— Они чувствуют кровь, Ардон, — Ричард с силой сжал переносицу. — Мою кровь. Последнюю каплю в жилах Вельторвидсов.

— Не последнюю, — возразил маг, и в его голосе прозвучала сталь. — Пока вы живы, надежда жива. И я нашел её.

Ричард наконец обернулся. В его серых, усталых глазах вспыхнула искра, которую он давно в себе похоронил — искра чего-то, кроме долга и отчаяния.

— Нашёл?

Ардон кивнул, доставая из складок мантии потрёпанный, почерневший от времени манускрипт. Страницы были испещрены выцветшими рунами, которые, казалось, шевелились при свете факелов.

— В архивах Забытой Библиотеки разрушенного замка в Фервуде. Ритуал. Древний, опасный и крайне неортодок-

сальный. Его последний раз проводил король Элрик Безумный, после чего боги наслали на Остерферд Великую Сушу.

— Обнадёживающее начало, — с горькой усмешкой заметил Ричард.

— Элрик был жаден и слаб, он просил для себя личной власти, — парировал Ардон. — Вы же будете просить не для себя. Вы будете молить о милости для всего своего народа. О прощении. О возвращении Дара. Ритуал должен быть проведён в ночь зимнего солнцестояния, в главном храме, когда стена между мирами истончается. Вы принесете величайшую жертву — свою собственную судьбу, свою одинокую жизнь, на алтарь надежды для других.

Ричард медленно поднялся с колен. В его жилах заструился странный жар — смесь страха и ликования.

— Что мне нужно сделать?

— Вам предстоит пройти «Семь Стен Отчаяния» в святилище храма, — голос Ардона стал торжественным и тихим. — Каждая стена — это испытание. Она будет показывать вам самые тёмные страхи вашего сердца, самые горькие сожаления. Вы будете стоять на коленях и молить, не как король, а как простой человек, чьё сердце разбито и чья душа жаждет искупления. Если боги услышат искренность вашей молитвы... если ваша жертва будет принята... они могут даровать знамение. Они могут указать путь.

— А если нет? — тихо спросил Ричард.

— Тогда, — Ардон опустил глаза, — вы либо сойдёте с

ума, как Элрик, либо просто не выйдете из святилища. А Остерферд поглотит война, которой не будет конца.

Они стояли друг напротив друга — молодой король, несущий бремя проклятой короны, и старый маг, несущий бремя последней надежды. За высокими витражными окнами, искажёнными грязью и временем, начинал накрапывать холодный дождь. Словно само небо оплакивало их отчаянную авантюру.

— Хорошо, — твёрдо сказал Ричард, и его голос впервые за долгие месяцы приобрёл былую властность. — Готовь всё необходимое. И, Ардон...

— Ваше Величество?

— Удвой стражу вокруг храма. И проследи, чтобы никто, никто из свиты Лорвина или Изабеллы не узнал о наших планах. Если этот ритуал — наша последняя надежда, то я не позволю никому её отнять.

Маг склонил голову в почтительном поклоне, но в его синих глазах читалась не только преданность, но и тревога. Он знал, что они ставят на кон всё. Они бросали вызов не только заговорщикам и времени, но и самим разгневанным богам.

А в тени одной из огромных колонн, за гобеленом, изображавшим давно забытую битву, затаилась фигура. Неуловимое движение, лёгкий шорох ткани — и всё. Но этого было достаточно. Кто-то уже знал. И пока король и маг строили планы спасения королевства, тень предательства уже протянула к ним свои холодные пальцы.

Лунный свет, бледный и обманчивый, словно выцвевшее серебро, пробивался сквозь рваные облака, освещая дорогу, больше похожую на змеиную тропу. Вместо кортежа из дюжины карет и конного эскорта, лишь три запыленные повозки с замаскированным под торговый скарб ритуальным реквизитом. Вместо блеска доспехов — потертые плащи, брошенные на простые кольчуги. Ричард, скинувший королевские регалии, чувствовал себя голым и уязвимым. Каждый хруст ветки под колесом заставлял его руку непроизвольно сжимать эфес меча, скрытого под плащом.

Ардон, сидевший рядом с возницей первой повозки, казался изваянием из слоновой кости. Его пальцы сжимали посох так, что суставы побелели. Он непрестанно бормотал заклинания защиты и маскировки, но в его голосе слышалась тревога. Ритуал требовал чистоты помыслов и абсолютной концентрации, а они пробирались тайком, как воры, с сердцами, полными страха и подозрений.

— Слишком тихо, — прошептал Ардон, обернувшись к Ричарду. — Даже сова не кричит. Лес затаил дыхание.

— Может, твои чары работают лучше, чем ты думаешь, — попытался шутить король, но шутка повисла в воздухе тяжелым свинцом.

Именно в этот момент тишина и взорвалась.

Сначала с дерева справа бесшумно спикировала тень, и возница второй повозки рухнул с обрезанным горлом, не успев издать звука. Потом из-за стволов, словно призраки,

выросли фигуры в черном, их лица скрывали маски, а в руках поблескивали короткие изогнутые клинки — идеальное оружие для убийства в тесноте.

— Засада! — крикнул Ардон, вскидывая посох.

Началась бойня. Горстка верных гвардейцев Ричарда, ветераны, прошедшие сквозь огонь пограничных стычек, сомкнула строй вокруг короля. Но нападавшие были иными. Они не рвались в лобовую атаку, не издавали воинственных криков. Они скользили, как тени, нанося удары в спину, подрезая подколенные сухожилия, используя темноту и неразбериху как союзников. Это были не солдаты, а наемники из Тёмных пустошей.

Ричард выхватил меч. Сталь с лязгом встретилась со сталью. Он дрался отчаянно, с яростью загнанного зверя, чувствуя, как его сердце колотится в такт ударам клинка. Он видел, как падал один из его стражей, молодой парень, на лице которого застыло недоумение. Видел, как Ардон, окруженный сияющим барьером, отбрасывал одного наемника за другим всплесками ослепительной энергии.

— К храму! — закричал маг, его голос прорвался сквозь грохот битвы. — Бегите, Ваше Величество!

В этот миг Ричард увидел движение с периферии зрения. Одна из теней, проскользнув между сражающимися, метнула в него короткий дротик. Король успел отклониться, но острое жало впилось ему в плечо, чуть ниже ключицы. Обжигающая боль, острая и ядовитая, пронзила тело. Он по-

шатнулся.

— Я ранен, — сквозь стиснутые зубы выдохнул правитель.

Сильная рука схватила его за плащ. Это был Ардон. Его барьер погас, но глаза горели бешеным огнем.

— Прочь! Сейчас!

Одним мощным заклинанием маг создал ослепительную вспышку света, заставив наемников на мгновение отшатнуться. Этой секунды хватило. Двое оставшихся в живых стражников, окровавленные, но не сломленные, подхватили короля под руки, и они ринулись вглубь леса, оставив позади повозки и тела павших товарищей.

Бегство слилось в кровавый кошмар. Колющая боль в плече с каждым шагом отдавалась во всем теле. Яд, слабый, но коварный, затуманивал сознание. Ричард спотыкался о корни, хватая ртом воздух, слыша за спиной неумолимую погоню. Они бежали, не разбирая дороги, ведомые лишь внутренним компасом Ардона, указывающим на храм.

Когда сквозь деревья наконец показались устремленные в небо шпили главного храма Остерферда, у Ричарда перехватило дыхание — и не от боли. Здание, высеченное из белого камня, казалось, пылало в лунном свете, словно призрачный маяк. Они вывалились на опушку, и стражники у ворот, постоянно дежурившие в храме, увидев изможденную, окровавленную группу, мгновенно подняли тревогу.

Ворота захлопнулись за ними с глухим стуком, отсекая

преследователей. Ричард, опираясь на Ардона, стоял на коленях на холодном каменном полу внутреннего двора, пытается отдышаться. К ним уже бежали жрецы в белых, подпоясанных золотым шнуром, одеяниях. Их лица, обычно бесстрастные, были искажены ужасом.

Верховный Жрец, старик с лицом, испещренным морщинами мудрости, преклонил колени перед королем.

— Ваше Величество! Боги! Вы ранены...

— Пустяки, — отрезал Ричард, с силой вставая на ноги и игнорируя волну головокружения. — Готовьте святилище. Ритуал должен начаться с рассветом.

В глазах жрецов вспыхнула паника.

— Но, Ваше Величество! Вы истекаете кровью! Ваш дух возмущен, тело отравлено! Ритуал «Семи Стен» требует абсолютной чистоты и силы духа! В таком состоянии... Это самоубийство! Боги не примут молитву из уст, искаженных болью!

— Боги услышат мою боль! — голос Ричарда прозвучал как удар хлыста, эхом раскатившись по двору. Он выпрямился во весь рост, и в его глазах горел тот самый огонь, что когда-то заставлял трепетать врагов на поле брани. — — Они увидят кровь моих верных стражников, пролитую сегодня! Они увидят предательство, что плетется в моем же дворе! Они увидят короля, который готов умереть на коленях, лишь бы его народ получил шанс! Если не сейчас — то никогда! Завтра может быть уже слишком поздно!

Он перевел взгляд с бледного лица Верховного Жреца на Ардона. Взгляд мага был тяжелым, полным понимания и бездонной печали. Он видел решимость в глазах своего короля. Решимость обреченного.

Ардон медленно кивнул.

— Он прав. Надежда не ждет, пока раны затянутся.

Верховный Жрец заломил руки, его губы беззвучно шептали молитву. Он видел бледность короля, дрожь в его руках, темное пятно, расплзающееся по плечу плаща. Но он видел и нечто большее — неколебимую волю.

С глубоким, скорбным вздохом жрец склонил голову.

— Да будет так. Мы начнем подготовку. Но знайте, Ваше Величество... — Он поднял на Ричарда полный отчаяния взгляд. — ...вы вступаете в святилище не как король, а как проситель. И боги могут быть безжалостны к тем, кто приходит к ним с пустыми руками и раненой душой.

Ричард ничего не ответил. Он лишь повернулся и пошел вглубь храма, оставляя на камнях пола кровавые следы. Его жертва начиналась не в святилище. Она началась здесь, в этот миг, с этого шага. Он шёл навстречу своей судьбе, неся на плече не только боль от раны, но и тяжесть всей надежды своего обреченного королевства.

Воздух в святилище был не просто холодным — он был острым, как лезвие, и густым, как смола. Каждый вздох обжигал легкие и не приносил облегчения. Ричард стоял бо-
сиком на ледяном мраморе, и дрожь, исходившая от камня,

проникала глубоко в кости, в самое нутро. Белое ритуальное одеяние, легкое как пух, казалось ему саваном. Шесть жрецов, замерших по кругу, были не людьми, а безликими тенями, их распевы — погребальным гимном.

— Начинаем», — прозвучал голос Верховного Жреца, и это было похоже на удар грома в безмолвной пустоте.

Мир вокруг Ричарда поплыл, унося сознание в неведомые чертоги. Внезапно он снова был мальчиком, сидящим на коленях у отца. Он чувствовал тяжелую, но добрую руку на своей голове, вдыхал знакомый запах кожи и дыма, исходящий от мантии короля. А рядом — мать. Ее улыбка была теплее летнего солнца, а взгляд, полный безграничной любви, обращенный к отцу, был тем самым звеном, что скрепляло всю вселенную. И он, маленький Ричард, был частью этого совершенства.

И в тот же миг счастье было вырвано с корнем. Тот же зал, но теперь в нем стоял гроб. Двое бездыханных, бледных тел. Запах лечебных трав и смерти. И всесокрушающая, детская мысль: «Я один. Навсегда один». Боль ударила с такой силой, что он физически отшатнулся, сдавленно вскрикнув. Она была острее, чем удар кинжала, свежее, чем вчера. Он снова стал тем восьмилетним мальчиком, чей мир рухнул в одночасье.

Видение подернулось рябью и поплыло, резко сменяясь новым.

Запах крови заполнил ноздри — настоящий, металличе-

ский, тошный. Перед ним, корчась в предсмертных судорогах, падали его стражники. Молодой Элиас, с которым он на прошлой неделе пил вино. Старый Барнен, учивший его держать меч. Их глаза, полные ужаса и немного вопроса: «Зачем? Ради чего?»

«Твоя вина, король, — шептали ему из тьмы. — Их кровь на твоих руках. Ты ведешь их на убой ради призрачной надежды». Чувство вины, тяжелое и удушающее, как свинцовая плита, придавило его к полу. Он едва смог выпрямиться, чувствуя, как по его щекам текут слезы — слезы бессильной ярости и скорби.

Вновь рябь, растворяющая в себе всю боль, а за ней новое видение.

Он парил над Остерфердом, но это был не его Остерферд. Это был ад. Дым пожарищ застилал небо, реки были красными от крови. На его троне, отпивая из его кубка, восседал Лорвин. А в глазах его народа — не боль и не ненависть, а пустота. Пустота полного отчаяния. «Взгляни, Ричард. Это твое наследие. Ты не смог его защитить. Ты — последний. Проклятый король проклятого рода». Отчаяние, черное и липкое, как деготь, поползло в его душу, пытаясь заполнить каждую ее щель. Он сжал кулаки, и ногти впились в ладони, но эта боль была ничтожной по сравнению с тем, что творилось внутри.

И вновь липкая патока страха подернулась рябью забвения.

Он увидел себя старым, сгорбленным стариком в рваной мантии. Его вышвырнули из собственного дворца. Дети тыкали в него пальцами и распевали дразнилку: «Король-Ски-талец, король-без пары, проспал свою корону в пыли у забора!» Унижение, жгучее и едкое, как кислота, разъедало его изнутри. Он, потомок великих Вельторвидсов, стал посмешищем. Гордыня, та самая, что всегда была его опорой, обратилась против него, терзая его душу.

Темнота, черная и непроглядная накрыла его с головой, стирая все мысли и видения.

И тут боль отступила. Он снова был в тронном зале, сильным, могущественным. На его пальце — перстень с гербом Изабеллы. Его войска топтали мятежные провинции. Страх и уважение читались в глазах придворных. «Зачем тебе боги? — ласково шептал голос. — Зачем этот болезненный ритуал? Ты — король! Бери то, что принадлежит тебе по праву! Власть! Силу! Забудь о этом дурацком Даре». Искушение было таким сладким, таким реальным. Он мог почти ощутить тяжесть иной короны — короны тирана, но живого и сильного.

Но он решительно помотал головой, сбрасывая наваждение.

Все исчезло. Имена, лица, воспоминания. Он не был королем. Он не был Ричардом. Он был ничем. Пустотой, потерянной в большей пустоте. Не было ни боли, ни страха, ни надежды. Только всепоглощающее, ледящее душу чув-

ство бессмысленности. «Зачем бороться? Зачем терпеть эту боль? Просто отпусти». Это было так просто. Так спокойно. Он готов был раствориться в этом небытии.

И в самый последний миг, на самом дне этой бездны, он увидел Вспышку. Не образ, не лицо. Это было чувство. Тепло, разливающееся по заледеневшей душе. Свет, пронзающий тьму. Обещание. Обещание дома. Того самого дома, что он потерял в первой стене. Это была не надежда короля на спасение королевства. Это была жажда изголодавшейся души — найти ту, что предназначена только ему.

И он шагнул к этому теплу. Тело в огромной скорости рухнуло вниз, а затем все исчезло.

Он очнулся и увидел себя. Свое собственное тело, лежащее на камне. Бледное, восковое, с синими губами и пустыми, открытыми глазами. Его собственный труп смотрел на него. «Смотри, Ричард. Это — твой финал. Твоя жертва ничего не изменит. Ты умрешь здесь, в одиночестве, и твое имя станет лишь очередной поучительной историей о гордыне». Ужас, чистый, животный, первобытный ужас сковал его. Это был конец. Настоящий, неотвратимый.

С последним, хриплым выдохом, в котором было все — и боль, и отчаяние, и то самое, едва уловимое воспоминание о тепле, — его сознание погасло окончательно. Ричард не почувствовал, как его тело с глухим стуком ударилось о камень.

Он пришел в себя от того, что все внутри горело. Каждая мышца, каждая кость, каждая клетка. Он лежал, и агония была

настолько всеобъемлющей, что он не мог понять, где рана на плече, а где — раны на душе. Они слились в один сплошной костер.

— ...едва дышит... пульс...

— ...слишком много... не выдержит...

Голоса доносились сквозь толщу воды. Он силился открыть глаза, но смог лишь приоткрыть веки. Над ним колыхались расплывчатые тени — Ардон и Верховный Жрец. Лицо мага было мокрым, он не мог понять — от пота или от слез. В глазах старого мага стоял не просто страх, а настоящий, неподдельный ужас.

— Ритуал прошел? — прошептал Ричард, и его собственный голос показался ему чужим, разбитым.

— Прогшел, — голос Ардона дрогнул. — Но, Ваше Величество... Ваша жизнь... Она сейчас как пламя свечи на сквозняке. Мы не знаем... Мы не знаем, удастся ли ее удержать.

Ричард закрыл глаза. Не было ни чувства победы, ни облегчения. Только леденящая пустота и всепоглощающая слабость. Он предложил все, что у него было — свою боль, свою память, свою гордыню, саму свою жизнь. И теперь лежал разбитым сосудом, не зная, принята ли его жертва, или боги просто позволили ему доползти до их порога, чтобы умереть у их ног.

Глава 2

Тишину в каменной келье разрывали лишь прерывистые, хриплые вздохи Ричарда. Каждый вдох был для него битвой — короткой, мучительной и проигранной. Воздух, густой от запаха целебных благовоний, казалось, сопротивлялся его легким, не желая дарить жизнь тому, кого сама смерть уже обняла за плечи. Его лицо было цвета мокрого пепла, кожа натянута на скулах так, что проступал череп. Холодный, липкий пот серебрился на висках, и Ардон, стоя на коленях у ложа, платком смахивал его с неподвижного лба монарха.

Ладони мага светились тусклым, неровным золотом — последние капли его силы, сама суть его жизни, уходили на то, чтобы удержать угасающую искру в груди короля. Он чувствовал, как она трепещет, слабеет, вот-вот сорвется в небытие.

— Держись, Ваше Величество, — шептал он, и в его голосе, привыкшем к командам и заклинаниям, звучала мольба. — Цепляйся. Ты должен. Не за корону. Не за королевство. За себя. За ту искру, что я видел в тебе.

Верховный Жрец, шагнувший из тени, куда не доносилось пламя единственной лампы, смочил губы Ричарда влажной тряпицей. Вода стекала по бледной коже, не попадая в полуоткрытый рот. Это было страшное зрелище — могущественный король, превратившийся в хрупкий сосуд, из кото-

рого до капли выпили волю, силу и саму жизнь.

Именно в этот момент, когда отчаяние в келье достигло своей кульминации, снаружи, сквозь толщу древних стен, донесся первый, приглушенный крик. Не возглас удивления, а предсмертный хрип. За ним — оглушительный лязг стали о сталь, рокот десятков голосов. Ардон дернулся, его концентрация дрогнула, и золотой свет на его ладонях померк на мгновение, заставив Ричарда слабо, почти незаметно, застонать — последним протестом умирающей плоти.

Дверь в келью с грохотом распахнулась, ударившись о каменную стену. На пороге, задыхаясь, стоял молодой послушник, его глаза были полны ужаса, а на белом одеянии алело пятно чужой крови.

— Ваше Преосвященство! Маг Ардон! Нас атакуют! Воины... Их сотни! С гербами Лорвина и Изабеллы! Они у главных ворот! Словно сама тьма пришла за нами!

Верховный Жрец поднялся. Его старческое, иссохшее тело внезапно выпрямилось, наполнилось древней, священной силой. Казалось, сама многовековая мощь храма проступила в его осанке.

— Спокойно, дитя мое. Защита храма, воздвигнутая самими богами, выдержит любое войско. Священные барьеры не подведут...

Но едва он произнес эти слова, воздух в келье содрогнулся. Это был не звук, а ощущение — всепроникающая, гнетущая вибрация, исходившая от самого сердца святилища.

Послышался не лязг, а глухой, сокрушительный грохот, будто в ворота храма ударило нечто, сотканное из чистой ненависти. С потолка посыпалась каменная пыль, заколебалось пламя лампы.

— Они используют черную магию! — выдохнул Ардон, его лицо стало землистым. Он почувствовал знакомое, оскверняющее прикосновение. — Колдуны на их стороне. Сквернословы, призывающие силы, которым не место у этих стен! Защита не выдержит долго!

Началась бешеная, отчаянная суeta. Жрецы, отложив молитвенники, бросились к стенам, воздевая руки, их голоса сливались в единый гимн, пытаясь укрепить древние барьеры. Но с каждым новым ударом, от которого содрогались самые основы здания, их песнь звучала все слабее, а трещины на стенах расходились, как паутина. И тогда, сквозь грохот и крики, в воздухе поплыл новый, ужасающий запах — едкий, удушливый, запах горящего дерева, ткани и еще чего-то едкого.

— Они поджигают храм! — чей-то молодой голос сорвался на визг. — Святилище пылает!

Алые языки пламени уже лизали великолепные витражи, на которых были изображены лики богов. Расплавленное стекло стекало вниз кровавыми слезами. Зловещие красные отсветы заплясали на суровых каменных ликах святых и пророков, искажая их выражения в гримасы ужаса. Жара становилась невыносимой, дым ел глаза.

— Тайный ход. Ведет в чащу. Это наш последний путь, — обратился к Ардону Верховный жрец.

Двое самых крепких послушников наскоро перевязали окровавленную повязку на плече короля и подхватили его бесчувственное тело. Ардон, шатаясь, оперся на посох, пытаясь игнорировать пронзительную боль в затекших мышцах и истощение, выпившее его досуха. Они двинулись вглубь храма, в лабиринт потайных коридоров, доступный лишь избранным. Сзади с оглушительным ревом рушились перекрытия, и сквозь треск огня доносились торжествующий, варварские крики ворвавшихся в святыню наемников.

Холодный, чистый воздух ночного леса стал шоком после адского пекла горящего храма. Они вышли из скрытой за стеной водопада пещеры, всего в полумиле от места кошмара. Гигантское здание, веками бывшее символом веры и надежды, пылало, как гигантский погребальный костер, освещая окрестности зловещим, пульсирующим заревом. Отблески пламени играли на листве, превращая лес в танцующий ад.

— Быстрее, — хрипло прокричал Верховный Жрец, его голос был полон тревоги. — Надо добраться до скита отшельников, там...

Но его слова оборвались. Из темноты, из-за вековых, молчаливых стволов, бесшумно вышли тени. Их было человек десять. В темных, безгербовых доспехах, с обнаженными клинками, на которых отсвечивало зарево пожара. Засада.

Они ждали.

— За короля! — крикнул один из молодых послушников, и в его голосе не было страха, лишь отчаяние. Он бросился вперед с коротким храмовым мечом.

Это была не битва, а бойня. Двоих служителей, не искушенных в ратном деле, зарубили в первые же секунды. Их белые, ритуальные одеяния мгновенно почернели и намокли от крови, пачкая священную землю. Ардон, собрав в кулак последние крохи своей могучей воли, отшвырнул посох и, вытянув руки, метнул в нападавших ослепляющую, белую молнию. Один из солдат с оглушительным воплем упал, хватаясь за обугленное лицо. Но другой, пробившись сквозь ослепительную завесу, нанес магу быстрый, точный, предательский удар кинжалом в бок.

Ардон с глухим, сдавленным стоном рухнул на колени. Он обеими руками впился в рану, из которой хлестала горячая кровь, окрашивая мох в багровый цвет. Его верный посох лежал рядом, бессильный и безмолвный.

Несущие Ричарда послушники замерли в парализующем ужасе, глядя на падение своего последнего защитника. Солдаты медленно, неспешно окружили их. Один из них, высокий и плечистый, с лицом, не выражавшим ничего, кроме профессионального безразличия, грубо оттолкнул молодых людей. Тело короля, безвольное и легкое, беспомощно шлепнулось на мягкий, прелый ковер из прошлогодней листвы.

Ричард лежал на спине, его глаза были закрыты, грудь ед-

ва заметно вздымалась в такт последним, агонизирующим вздохам. Он был в полушаге от смерти, и теперь к ней его вели целенаправленно, методично, как животное на убой.

Из группы солдат вышла вперед одна из фигур. Она была стройнее и изящнее других, облаченная в легкий, но искусно выкованный латный доспех, не стеснявший движений. Шлем был снят, и в отвсетах грандиозного пожара рыжие волосы Изабеллы горели, как расплавленное золото и медь. В ее изящной, но сильной руке был не дамский кинжал, а длинная, узкая, смертоносная шпага, клинок которой поймал отблеск пламени и зажегся, словно сам. Ее прекрасное, скульптурное лицо было спокойно, лишь в глубине бездонных глаз плясали насмешливые отсветы костра и холодное, безраздельное торжество.

Она медленно, почти небрежно, подошла к лежащему королю, ее сапоги бесшумно утопали в листве. Она оставила шпагу для замаха, ее взгляд, тяжелый и оценивающий, скользнул по его бледному, испачканному дымом и землей лицу, по неподвижным чертам, в которых еще угадывались следы былого величия.

— Прощай, Ричард, — ее голос был тихим, ясным и звенящим, как удар хрустального бокала. В нем не было ни злобы, ни ненависти, лишь ледяное удовлетворение от хорошо выполненной работы. — Твое правление окончено. Пришло мое время.

Клинок, вобравший в себя свет гибнущего храма и холод

ее души, взметнулся вверх, готовый обрушиться вниз в последнем, смертоносном пируэте. Над Ричардом нависла не просто закаленная сталь — нависла смерть всей его династии, конец его королевства и торжество тьмы, которую он так отчаянно пытался предотвратить.

Воздух в лесу, мгновение назад наполненный лишь треском пожара и предсмертными хрипами, внезапно взорвался. Это был не просто звук — это был гул, рожденный яростью и сталью. Из чащобы, словно из разверзшейся земли, хлынули всадники. Не десяток, не два — казалось, весь лес ожил, зазвенев латами и взметнув в ночь клинки с гербом Вельторвидсов. Впереди, на вороном коне, будто сама буря, несся лорд Каэллан — военачальник Его Величества. Его седые усы были ошетинены, а в глазах, привыкших к виду крови, пылал холодный огонь праведной ярости. Он не кричал. Его голос, низкий и раскатистый, как удар грома перед бурей, накрыл все остальные звуки:

— Мой меч — для короля! Моя ярость — для изменников! Вперед!

Стрела, выпущенная неизвестно кем, просвистела в сантиметре от лица Изабеллы, вонзившись в ствол сосны позади. Но вторая нашла свою цель — тонкий стальной наконечник с глухим чавкающим звуком пронзил мышцу ее предплечья, той самой, что сжимала рукоять занесенной шпаги. Изабелла не закричала. Лицо ее, только что сиявшее торжеством, исказила гримаса не столько боли, сколько безмерно-

го удивления, будто ее оскорбили самым немыслимым образом. Клинок, выпав из ослабевших пальцев, лишь оставил тонкий, кровавый порез на шее Ричарда — последнюю каплю, которую требовала чаша его жертвы.

Ее сбили с ног, придавили коленом к земле, грубо скрутили руки за спиной стальным прутom. Рыжие волосы, символ ее гордыни, теперь пачкались в грязи, а в прекрасных глазах бушевала не ярость, а шок — стремительный и всесокрушающий, как обвал.

Бой был коротким, жестоким и безоговорочно односторонним. Наемники, секунду назад чувствовавшие себя хозяевами положения, были смяты, рассеяны и перебиты стальными мечами королевской гвардии. Но в самой гуще событий, у самого края поляны, высокая худая фигура в плаще, цвета мокрой золы, не участвовавшая в сече, сделала шаг назад, в сень векового дуба. Герцог Лорвин. Его глаза, холодные и расчетливые, на мгновение встретились с взглядом Каэлла. Он не улыбнулся. Лишь слегка кивнул, будто отмечая про себя какую-то деталь. Потом шепнул одно-единственное слово, и тени у его ног сгустились, за клубились, поглотив его с головой. Казалось, сама ночь проглотила его. Посланная вдогонку стрела впиалась в кору дерева, беспомощно задрожав оперением.

Лорд Каэлла, тяжело дыша, опустил свой исполинский, залитый кровью меч.

— Ускользнул. Проклятый колдун. Но эту змею мы взяли,

— он бросил взгляд на Изабеллу, которую уже поднимали на ноги. — Цепями. И в подземелье. Пусть гниет в ожидании суда.

Верховный Жрец, не обращая внимания на побоище, уже колдовал над Ардоном, его старческие руки, несмотря на дрожь, уверенно зажимали рану, а губы шептали молитвы. Маг, бледный как полотно, сквозь стиснутые зубы прошипел:

— Ричард... Дышит ли?

— Дышит, — ответил Каэлан, опускаясь на одно колено рядом с телом короля. Он снял перчатку и грубой, иссеченной шрамами рукой осторожно провел по щеке Ричарда, сметая пыль и пепел. — Но, старый друг, во что они его превратили? Он похож на тень. На призрака.

Замок Вельторвидсов, гордая цитадель на утесе, веками бросавшая вызов бурям и врагам, впервые за долгие годы стал не символом мощи, а огромным, холодным лазаретом. Его каменные стены, обычно оглашаемые звоном оружия и придворными речами, теперь поглотила гнетущая, траурная тишина, нарушаемая лишь шепотом врачей и мерным, пугающим дыханием короля.

Покои Ричарда превратились в святилище, где день и ночь совершались обряды спасения. Лучшие лекари королевства,

знахари с дальних границ, привозящие диковинные травы и зелья в запечатанных ларцах, даже молчаливые монахи-аскеты, чьи молитвы, как говорили, могли достучаться до самых глубин забвения, — все они сменяли друг друга у его ложа. Рана на плече, отравленная и воспаленная, была очищена, выжжена каленым железом и зашита золотыми нитями. Его иссохшее тело кормили концентрированными бульонами и настоями редких кореньев, вливая в него жизненные соки по капле, пытаясь разжечь угасший внутренний огонь.

Но сам Ричард отсутствовал. Его грудь поднималась и опускалась в ровном, монотонном ритме, сердце билось упрямо и механически, как хорошо отлаженный механизм, лишенный души. Но за его широко открытыми, неподвижными глазами, устремленными в узор на балдахине кровати, не было ни мысли, ни осознания, ни воспоминания. Он был пуст. Его душа, истерзанная ритуалом, отравленная ядом и разорванная предательством, ушла вглубь, в самые потаенные, недоступные врачам и магам уголки сознания, отказываясь возвращаться в мир, принесший ей столько боли.

Ардон, чья собственная жизненная сила, подкреплённая искусством врачей, была поистине титанической, поправлялся на удивление быстро. Уже через неделю он, скрипя зубами от боли, мог сидеть в кресле, подаренном ему когда-то Ричардом. Через две — он, опираясь на новый, вырезанный из черного дерева посох, делал первые неуверенные шаги по узорчатому ковру в своих покоях. Физическая рана затяну-

лась, оставив на его боку длинный, багровый шрам — вечное напоминание о провале, о том, что он не сумел защитить своего короля в самый важный момент.

Но самая глубокая, самая страшная рана была не на теле. Она зияла в его сердце — рана вины, горького, едкого стыда и беспомощности. Он часами, иногда и днями напролет, просиживал у кровати Ричарда, вглядываясь в его неподвижное лицо, пытаясь найти в его чертах хоть какой-то отклик. Он шептал древнейшие заклинания пробуждения, вкладывая в них остатки своей силы. Он взывал к богам, к предкам, к самой судьбе. А подчас он просто разговаривал с ним. Говорил о государственных делах, о донесениях Каэллана, о первом снеге, укрывшем парк, о глупых придворных сплетнях — о чем угодно, лишь бы достучаться до того, что осталось от его короля, друга и последней надежды Остерферда.

Тем временем, лорд Каэллан, не знавший усталости, превратил все королевство в гигантскую, тотальную ловушку. Были опечатаны и взяты под стражу все порты, на горных перевалах выставлены круглосуточные караулы, летучие отряды прочесывали каждую деревню, каждый заброшенный хутор, каждый темный переулок в городах. Ловили Лорвина. Но герцог, словно сам стал тенью, испарился. Никаких следов. Ни одного слуха, ни одной зацепки. Многотысячная сеть, расставленная Каэлланом, оставалась пустой. Это молчание было страшнее любых угроз. Лорвин не просто прятался. Он готовился. Его исчезновение было зловещей от-

срочкой, затишьем перед самой страшной бурей.

Прошел месяц. За высокими стрельчатыми окнами покоев Ричарда сменились фазы луны, прошел и растаял первый снег, сменившись холодными, тоскливыми дождями. А король все лежал. Его русые волосы, отросшие за это время и рассыпавшиеся по шелковым подушкам, и восковая бледность кожи придавали ему вид спящего юноши, а не могущественного монарха в расцвете сил. Он был бледной тенью самого себя, живым памятником собственному поражению, молчаливым укором для всех, кто не сумел его защитить.

И вот, в одну из таких бесконечно долгих ночей, когда в камине догорали последние поленья, а единственным светом в комнате был бледный, призрачный луч луны, пробивавшийся сквозь замерзшее витражное стекло и рисовавший на полу разноцветные блики, случилось нечто. Палец Ричарда, лежащий поверх парчового одеяла, дрогнул. Почти незаметно. Легкое, судорожное подрагивание, больше похожее на игру света и тени. Оно длилось мгновение и прекратилось. Тело вновь замерло в своей ледяной неподвижности.

Но Ардон, дремавший в своем кресле, увидел это. Его собственное сердце, привыкшее за этот месяц к постоянной боли, замерло, пропустив один-единственный, оглушительно громкий удар. Он не осмелился пошевелиться, не посмел даже дыхание перевести, боясь спугнуть этот хрупкий, этот невозможный, этот первый, едва различимый признак того, что где-то там, в крошечной тьме за семью стенами Отча-

нения, его король еще не сдался. Он еще жив. И, возможно, начинается долгий, мучительный путь назад.

Сознание вернулось к Ричарду не вспышкой, а медленным, тягучим приливом. Сначала он ощутил тяжесть — век, костей, самого воздуха в легких. Потом — боль. Тупая, разлитая по всему телу, будто его молотком отбили от каменного пола святилища. И лишь потом пришли звуки: потрескивание дров в камине, шелест занавесей, собственное хриплое дыхание.

Он открыл глаза. Потолок с гербом Вельторвидсов. Его покой. Знакомый запах воска, кожи и лечебных трав. Он был жив.

Первым, что Ричард увидел, склонившееся над ним лицо, было не лицо лекаря, а исхудалое, испещренное новыми морщинами лицо Ардона. В глазах мага вспыхнула бешеная надежда.

— Ваше Величество... — его голос сорвался на шепот.

Ричард попытался сказать что-то, но из горла вырвался лишь хриплый звук. Он сглотнул, ощутив вкус крови и горечи на языке.

— Вода, — просипел он.

Ардон дрожащими руками поднес к его губам кубок. Прохладная влага обожгла, но принесла облегчение. Король отпил, откинулся на подушки, чувствуя, как каждая мышца в теле ноет в унисон.

— Сколько? — спросил он, и его собственный голос по-

казался ему чужим.

— Три месяца, Ваше Величество, — тихо ответил Ардон.
— Вы были далеко.

Три месяца. Пустота. Небытие. Ричард закрыл глаза, пытаясь собрать в кучу обрывки памяти. Пламя. Падение. Холод стали у горла. И ритуал. Семь Стен. Боль, отчаяние, и в самом конце тот самый, едва уловимый проблеск.

Он снова открыл глаза, и в них, помимо физической слабости, загорелся знакомый Ардону огонь — огонь воли.

— Ритуал, — выдохнул он, впиваясь взглядом в мага. — Сработал ли он? Есть ли знамение?

Ардон опустил взгляд. Эта пауза была красноречивее любых слов. Он медленно, с болью в каждом движении, покачал головой.

— Ничего, Ваше Величество. Ни до нападения, ни после. Мы наблюдали за всем. За рождаемостью, за заключением браков, за чувствами людей. Никаких изменений. Ни одной искры. Боги молчат.

Тишина, повисшая в покоях, была тяжелее свинцовых плит. Ричард откинулся на подушки, уставившись в балдахин. Он предложил все. Свою боль. Свою душу. Свою жизнь. И получил взамен ничего. Пустоту. Горькое, унижительное ничто. Он прошел через ад и вышел из него с пустыми руками.

— Лорвин? — спросил он наконец, голос его был плоским, лишенным эмоций.

— Бесследно исчез, — ответил Ардон. — Каэлла́н обыскал все королевство. Изабелла в темнице. Но она молчит, как камень.

Ричард кивнул. Казалось, даже эта новость не могла пробить броню апатии, сковавшую его.

Так начались недели мучительного восстановления. Физически Ричард креп с каждым днем. Он снова начал есть, ходить, заниматься с оруженосцем. Но внутри он был пуст. Он выполнял обязанности короля механически, его взгляд оставался отсутствующим, а решения — лишенными прежней огненной уверенности. Он был тенью, надевшей корону.

Прошел еще один месяц. Потом второй. Наступила поздняя осень, за ней зима. Ветра завывали в башнях замка, словно оплакивая его павшего властелина. Надежда, некогда горевшая так ярко, окончательно угасла, оставив после себя лишь пепел смирения перед неминуемым концом.

И вот, в одну из таких бурных, беспросветных ночей, когда Ричард ворочался в постели, пытаясь заглушить вином тягостные мысли, дверь в его покои с грохотом распахнулась. На пороге, без стука и предупреждения, стоял Ардон. Его лицо было бледным, но не от страха, а от изумления. В руке он сжимал свой посох, и тот вибрировал, издавая низкое, тревожное гудение.

— Ваше Величество! — его голос перекрыл вой ветра. — Магия... Магия сходит с ума!

Ричард, мгновенно отрезвев, вскочил с кровати.

— Что? Где?

— В небе! К северу от столицы! Смотрите!

Они бросились к большому витражному окну, выходявшему на север. И Ричард увидел. Ночное небо, обычно усыпанное звездами, было искажено. Над дальним лесом клубилось, переливаясь ядовито-зелеными и лиловыми сполохами, светящееся марево. Оно пульсировало, как гигантское сердце, и от него исходила осязаемая волна энергии, от которой звенело в ушах и слезились глаза.

— Что это? — прошептал король.

— Не знаю! — отозвался Ардон. — Ничего подобного ни в одном манускрипте нет! Это как рана на теле самого мира!

В этот момент над замком, с легким шелестом, вспыхнул гигантский полупрозрачный купол золотистого света — защитный барьер, возведенный придворными магами. По всему городу забили тревожные колокола. Послышался грохот — это королевская армия, ведомая Каэлланом, уже выдвигалась к месту аномалии.

Не раздумывая, Ричард набросил поверх ночной рубашки плащ и схватил свой меч, висевший на стене.

— Коня! — бросил он оруженосцу, уже выбегая из покоев. Апатия, терзавшая его неделями, испарилась, сожженная адреналином и долгом. Что бы это ни было — угроза или знамение, — он должен был быть там.

Он скакал во главе своего отряда по темным улицам столицы, на ходу надевая доспехи. Воздух трещал от магии, ба-

рьер над головой мерцал, отражая безумные всполохи с севера. Они выехали за городские стены и помчались по замерзшей дороге. Впереди, над лесом, марево пылало уже ослепительно белым светом, будто вот-вот должно было родиться второе солнце.

И оно родилось.

С грохотом, от которого задрожала земля, небо разорвалось. Ярчайшая, слепящая вспышка, белее самого чистого снега, разрезала ночь. На мгновение показалось, что открылась сама бездна, и из нее на землю, с оглушительным ревом, падала какая-то громада. Непонятная, темная, огромная.

Маги, стоявшие на окраине поля, взметнули руки. Золотистый барьер под куполом сгустился, превратившись в упругую, сияющую подушку прямо на траектории падения.

Удар был чудовищным. Даже смягченный чарами, он выбил из магов дух, а некоторых отшвырнул назад, как тряпичных кукол. Громада, задержанная на мгновение, с громом, от которого заложило уши, все же рухнула на землю. Послышался оглушительный треск ломающегося металла и стекла, и она разорвалась на несколько огромных, дымящихся частей, разбросанных по опушке леса.

Тишина, наступившая после падения, была оглушительной. Только шипение раскаленного металла и треск горящих деревьев нарушали ее. Король, маг и солдаты замерли, в ужасе и благоговении глядя на дымящиеся обломки небесного пришельца, лежащие перед ними в мертвом лесу.

Глава 3

Монотонный, убаюкивающий гул двигателей А-320 был единственным звуком, царившим в приглушенном свете салона бизнес-класса. За иллюминаторами, в которые Мария смотрела невидящим взглядом, простиралась безмятежная, бескрайняя пелена ночи и упругих, похожих на гигантские клубы ваты облаков, сквозь которую лишь угадывалось холодное, отстраненное мерцание одиноких звезд. Казалось, сама Вселенная пребывала в состоянии глубочайшего покоя, равнодушная к мелким человеческим тревогам, запертым в металлической трубе на высоте десяти километров. Мария сидела у прохода, ее пальцы с нервной, почти неосознанной регулярностью сжимали и разжимали прохладную кожаную обивку подлокотников. Варя, устроившаяся у окна, давно отложила глянцевого журнала о райских курортах и наблюдала за подружкой с нарастающим, щемящим беспокойством.

— Ну что ты как на иголках? — наконец не выдержала она, ее голос, обычно такой звонкий и жизнерадостный, сейчас звучал приглушенно, пытаясь мягко пробиться сквозь броню Машиного напряжения. — Отпуск же начался, в конце концов. Самолет в воздухе, багаж сдан, таможня позади. Впереди только море, солнце, коктейли с этими смешными зонтиками... А ты будто на планерку к самому лютному и беспощадному боссу собралась. Расслабься, наконец, Маш. Вы-

дохни.

Мария медленно перевела на нее взгляд, ее серо-зеленые глаза, обычно такие четкие, собранные и пронзительные, сейчас были подернуты дымкой глубокой, невысказанной усталости. Она вздохнула, откинув голову на жесткий, неудобный подголовник.

— Прости, Варь. Не обращай внимания. Просто... Всё пошло наперекосяк еще до того, как мы сели в этот самолет. Совсем не по плану. Лажовый такой старт.

— Имеешь в виду нашу разрозненную компанию? Ингу, Дашу и остальных? — уточнила Варя, наклоняясь ближе через свободное сиденье между ними. Ее лицо выражало искреннее участие. — Да, я понимаю. Жуткое, просто мистическое стечение обстоятельств. Но мы-то с тобой долетели. Мы здесь, в этой железной птице, на полпути к солнцу. И у нас на руках есть эти самые горящие, почти дармовые путевки, которые нельзя просто так взять и пропустить. Мы просто обязаны отдохнуть и потусить за весь наш несостоявшийся девичник. За всех.

— Не только они, — тихо, почти шепотом, проронила Мария, словно боясь, что ее услышат другие пассажиры. Она закрыла глаза, собираясь с силами для трудного, стыдного признания. — Артем... Мы расстались. Прямо перед самым вылетом. Буквально за несколько часов.

Варя выдохнула, ее выразительное, живое лицо смягчилось, наполнилось теплотой и сочувствием.

— Вот оно что. Корень всех зол и источник этой каменной маски на твоём лице. И ты ничего не сказала... Маш, я же твоя подруга! Мы дружим с самой школы, мы прошли через все эти дурацкие мальчиков, сессии, первые работы! Почему молчала, носила это в себе, как какую-то тайную болезнь?

— Не хотела портить никому настроение, — Мария пожала плечами, стараясь казаться небрежной и равнодушной, но в её голосе проскальзывала та самая, тщательно скрываемая, зажатая обида, которую она не позволила себе выплеснуть даже в момент того жуткого разговора. — Он устроил настоящую истерику. Кричал, что я робот, запрограммированный на выполнение задач, что живу по расписанию, как поезд по рельсам, и что в моих безупречных, выверенных до минуты планах для него, живого, настоящего человека, нет и никогда не было места. Что он для меня — просто удобный аксессуар, встроенный в расписание.

— Ну и дурак! Законченный, самовлюбленный эгоист! — отрезала Варя, сжимая её холодную, неподвижную руку в своей теплой, живой ладони. — Он просто не дорос до такой женщины, как ты. Ты не робот, ты... высокоорганизованная, блестяще эффективная личность! И в этом твоя суперсила, твой дар. Он этого не понял, не разглядел и не оценил — что ж, его потеря. Огромная. Мы найдем тебе кого-нибудь на курорте. Какого-нибудь загорелого серфера, который понятия не имеет о том, что такое ежедневник.

— А что, если он прав? — вдруг вырвалось у Марии, и

она сама удивилась этой внезапной, болезненной уязвимости, этому сомнению, подкравшемуся из самых потаенных уголков души. Она открыла глаза и уставилась на белый потолок, усеянный точечными светильниками, похожими на далекие, безразличные звезды. — Что если весь мой этот план, все эти списки, графики, таблицы Excel... это просто высоченная, крепкая стена, которую я годами выстраивала вокруг себя, чтобы не видеть, не чувствовать, что за ней на самом деле ничего нет? Одна большая, зияющая пустота? И я просто боюсь в этом признаться?

Их глубокий, исповедальный разговор, этот редкий момент откровенности в загерметизированном пространстве, был резко и грубо прерван самой реальностью. Сначала просто замигал свет над их головами — стандартный, никого особенно не тревожащий значок «Пристегните ремни». Мария и Варя, действуя на автомате, потянулись за ремнями, щелкнули замками с привычным, отработанным движением. Обычное дело в долгом ночном перелете над океаном.

Но почти сразу же, прежде чем они успели обменяться хоть словом, к их ряду быстрыми, решительными шагами подошла стюардесса. Ее улыбка была вышколенной, профессиональной, отточенной до автоматизма, но в уголках ее глаз, в легкой напряженности вокруг рта, читалось нечто большее — легкое, едва уловимое, но безошибочно считываемое подсознанием напряжение.

— Прошу вас, девочки, пристегнитесь, пожалуйста, по-

туже, — она остановилась у соседнего кресла, обращаясь к сидящим там пассажирам. — До щелчка. И, будьте добры, приготовьте кислородные маски, — ее голос был ровным, но в нем проскальзывала стальная нить приказа. — Они находятся прямо над вами, в панели. Просто на всякий случай, по инструкции. Ничего серьезного, просто впереди ожидается небольшая зона турбулентности. — И, уже отходя к следующему ряду и бросая на них быстрый, оценивающий взгляд, она добавила, скорее себе под нос, но все ее расслышали: — Немного более сильная, чем мы изначально предполагали по данным метеоцентра.

«Небольшая зона турбулентности» никогда и ни при каких обстоятельствах не требовала приготовления кислородных масок. Это знали все, кто летал больше двух раз. Мария и Варя переглянулись. В широких, обычно таких беззаботных глазах Вари вспыхнула искорка настоящего, животного, примитивного страха, которую она тут же попыталась погасить натянутой, кривой улыбкой.

— Ничего страшного, — сказала она слишком бодрым, слишком громким тоном, больше убеждая себя, чем подругу. — Щас нас немного потрясет, похватаемся за соседей, пошутим про «американские горки» и «бесплатный аттракцион», и все. Обычное дело. Бывало и хуже.

Мария, наоборот, почувствовала странное, почти неестественное спокойствие, похожее на душевный паралич. Ее внутренний планировщик, тот самый неумолчный фон ее

сознания, что всегда что-то рассчитывал, составлял списки, оценивал риски, наконец-то смолк. Полностью. Опустошенно. Не было сценария на этот случай. Не было плана действий «Б», «В» или «Г». Не было контрольных списков, куда можно было бы поставить галочку. Оставалось только одно — ждать. Быть пассивным, беспомощным объектом в руках стихийных сил, которые она не могла ни просчитать, ни предугадать, ни контролировать. Это было одновременно и ужасающе, и освобождающе.

Они послушно, как автоматы, достали из ниш эти желтые, резиновые, уродливые кислородные маски, держа их теперь на коленях, как нелепые, но от этого не менее угрожающие игрушки, обещающие лишь несколько минут отсрочки. Салон вокруг них затих, погрузился в гнетущее, звенящее ожидание. Было слышно, как кто-то нервно, истерично смеется, заглушая собственный страх, а ребенок через несколько рядов спросил маму тонким, пронзительным, испуганным голосом: «Мама, а мы что, упадем? Мы сейчас разобьемся?»

И тогда самолет тряхнуло.

Это был не просто толчок, не привычное, почти убаюкивающее покачивание на струях воздуха. Это было грубое, яростное, физическое насилие. Ощущение, будто гигантская, невидимая и беспощадная рука схватила стотонную махину лайнера и отчаянно, с немой яростью, встряхнула его, как ребенок в припадке бессильного гнева трясет игрушечную машинку, пытаясь сломать ее. Мария и Варя

резко, с силой, больно ударились о жесткие спинки своих кресел. Над головой с сухим, тревожащим душу, серийным треском один за другим, как костяшки домино, открылись багажные полки, и на центральный проход, на пустые сиденья, на головы и плечи пассажиров посыпалась ручная кладь — чемоданы, дорогие рюкзаки, пледы авиакомпании, подушки. Где-то в хвосте, ближе к кухне, раздался оглушительный, металлический грохот, звон разбитой посуды и треск пластика — это упала и, не закрепленная должным образом, покатилась, сметая все на своем пути, тяжелая стюардессная тележка.

Кто-то вскрикнул от неожиданности и внезапной боли, ударившись локтем о стенку. Потом еще один, чей-то женский голос взвизгнул. И вот уже весь салон, мгновение назад такой тихий, сонный и безопасный, наполнился гулом нарастающей, живой, почти осязаемой паники. Завыли, замигали красные сигналы о непристегнутых ремнях, сливаясь с испуганным плачем детей, сдавленными, отборными ругательствами мужчин и отрывистыми, пытающимися перекрыть нарастающий гам, но уже срывающимися на фальцет командами стюардесс, которые сами едва держались на ногах, цепляясь за спинки кресел, их профессиональные улыбки сменились масками ужаса.

— Сядьте! Пристегнитесь! Маски! Надевайте маски! Немедленно! Быстрее! — кричала одна из них, ее голос был тонким и пронзительным. Лицо ее, обычно миловидное, бы-

ло бледным, как бумага.

Самолет снова, с душераздирающим, провальным ощущением невесомости, рухнул в глубокую, бездонную воздушную яму. Чувство падения, когда внутренности уходят в пятки, а сердце замирает в горле, заставило Марию с такой силой вцепиться в подлокотники, что ее костяшки побелели, а ногти впились в кожу. Рядом Варя, бледная как полотно, с дрожащими, непослушными, ватными пальцами, судорожно пыталась надеть противную, пахнущую резиной и чужим потом маску на свое лицо.

— Дыши, Варь, просто дыши, спокойно, глубоко, — сказала Мария своим самым твердым, «офисным», командным голосом, тем самым, которым она умирляла разбушевавшихся на совещании менеджеров, сама уже натягивая маску на голову. Резиновый, химический запах показался ей удушающим, но она заставила себя сделать глубокий, ровный, осмысленный вдох, чувствуя, как прохладный кислород обжигает легкие.

За иллюминатором, в который впивалась Варя, не было видно ничего, кроме хаотичного, бешеного мелькания клочьями черного, беззвездного неба и срываемых с крыла вихрей облаков, похожих на клочья грязной ваты. Казалось, они попали в гигантскую, неистовую мясорубку, созданную самой природой, в самый эпицентр стихии, вышедшей из-под контроля.

И тут, как последний, заключительный аккорд этого на-

растающего, сюрреалистического кошмара, свет в салоне погас. Полностью. Абсолютно. Без предупреждения. Только слабая, зловещая, тусклая аварийная подсветка у самого пола, похожая на светлячков в пещере, тусклыми огоньками очерчивала центральный проход, похожий теперь на дорогу в самый настоящий ад. Вопли паники стали громче, отчаяннее, начали переходить в чистую, неконтролируемую, истеричную мольбу. Люди кричали, плакали, кто-то читал молитву, кто-то звал на помощь маму, словно маленький ребенок.

— Господи, мы умрем! Мы все умрем! Я не хочу умирать! Выпустите меня отсюда! — закричал перекошенный от ужаса, сорванный мужской голос сзади, и в его крике было что-то окончательное, что-то, что перевернуло страх всех остальных на новую, смертоносную грань.

Мария почувствовала, как холодная, тяжелая, свинцовая волна страха подкатила к самому горлу, сжимая его, не давая дышать даже через маску. Она посмотрела на Варю, которая закрыла глаза, беззвучно шепча что-то, вероятно, молитву или просто последние слова прощания с этим миром. Она посмотрела на свою собственную руку, все еще мертвой, обессиленной хваткой сжимающую подлокотник. Бесполезный, глупый, отчаянный и в высшей степени комичный жест контроля в ситуации, где никакого контроля не осталось и в помине. Ее план, ее расписание, ее идеальный мир — все это было смешно и нелепо перед лицом этого абсолютного,

вселенского хаоса.

И в этот момент тотального краха всех ее систем, когда ее идеальный, выстроенный по линейке мир рухнул окончательно и бесповоротно, в ее голове, словно обрывки прокручивающейся на большой скорости, порванной киноплёнки, пронеслись последние события, сложившись в зловещий пазл: скандал с Артемом, украденные в аэропорту документы Даши, странная авария Крис и Оли, невыезд Инги из-за внезапной работы... Цепь случайностей? Нелепое, статистически маловероятное стечение обстоятельств? Или что-то иное? Что-то необъяснимое, что вело их, как по невидимым рельсам, к этой конкретной точке в небе, в эту конкретную, роковую секунду?

Самолет содрогнулся от нового, еще более мощного, словно заключительного, финального удара судьбы. На этот раз раздался оглушительный, скрежещущий, рвущий душу металлический вопль, будто огромный кусок обшивки, часть стабилизатора или даже крыла оторвалась от корпуса под чудовищной нагрузкой. Лайнер, издав пронзительный, протяжный стон натуженного, рвущегося металла, резко, почти вертикально клюнул носом вниз, и в салон, сквозь рев работающих на износ, воющих двигателей, оглушительные крики людей и вой встречного ветра, ворвался новый, леденящий кровь, никогда ранее не слышанный звук — нарастающий, пронзительный, всезаполняющий свист. Свист разгерметизации салона. Воздух с чудовищной силой начал вырываться

наружу через невидимую брешь. Давление упало мгновенно, уши заложило так, что казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-под кресел, как по какой-то зловещей, автоматической команде, выпали те самые кислородные маски, сотни желтых резиновых личин, болтаясь на своих пластиковых шлангах, как гирлянды ядовитых, инопланетных плодов, предлагающих последний, короткий, обреченный глоток жизни в разреженном, уходящем воздухе.

Глава 4

Сознание возвращалось к Маше не вспышкой, а медленным, мучительным всплытием со дна ледяного, черного ому-та. Сначала не было ничто — ни звуков, ни ощущений, только всепоглощающая, плотная тьма. Потом в этой тьме зародилась боль. Она была не локализованной, а разлитой по всему телу, будто ее все тело кто-то методично избил тупым тяжелым предметом. Каждый мускул, каждая кость отзывались глухим, ноющим стоном.

Она попыталась пошевелиться, и боль пронзила ее с новой, ослепляющей силой, заставив сдавленно простонать. Маша лежала ничком, ее лицо уткнулось во что-то холодное, мокрое и невероятно мягкое. Снег. Глубокий, обжигающе холодный снег. Его мельчайшие кристаллы прилипли к ее щекам, ресницам, губам. Она лежала в сугробе, и снизу, сквозь тонкую ткань джинсов и куртки, ее начинал пронизывать до костей леденящий холод земли.

Следующим к ней вернулся слух. Вернее, не слух, а его полная противоположность — оглушительная, давящая тишина, звонкая, как удар по натянутой струне. Ее уши были плотно заложены, словно ватой, и сквозь эту вату пробивался лишь далекий, монотонный, высокочастотный писк, похожий на звук вышедшего из строя усилителя. Она попыталась сглотнуть, чтобы прочистить уши, и снова ощутила резкую,

колющую боль в грудной клетке. «Ребра... — пронеслось в голове со странной, отстраненной ясностью. — Ушиблены, может, треснули. Но, кажется, не сломаны. Дышать могу». Этот автоматический, почти клинический анализ был единственным, что удерживало ее от полномасштабной истерики.

С невероятным усилием, опираясь на локти, которые тоже горели огнем, Мария медленно, сантиметр за сантиметром, приподняла верхнюю часть туловища и оторвала лицо от снега. Ее взгляд, затуманенный болью и дезориентацией, медленно фокусировался.

То, что она увидела, не укладывалось в рамки не только ее опыта, но и самого буйного воображения. Она лежала на краю какой-то огромной, открытой местности, поляны или вырубки, уходящей в непроглядную, черную стену леса. Но эта поляна не была пустой. Она была усеяна обломками. Не просто осколками, а гигантскими, искореженными, разорванными частями того, что еще недавно было современным авиалайнером.

Вот неподалеку, словно гигантская консервная банка, вскрытая взрывом, лежал кусок фюзеляжа с рядами пустых, искореженных кресел, из которых, как из внутренности, свисали пучки разноцветных проводов. Дальше — смятая, почти в гармошку, хвостовая часть с уныло торчащим обломком киля. Повсюду валялись личные вещи пассажиров: яркие чемоданы, зияющие пустотой, разорванные рюкзаки, из которых ветер, ледяной и пронизывающий, вырывал и разбрасы-

вал по снегу куски одежды — майки, платья, детские плюшевые игрушки. Все это было припорошено тонким слоем свежего, почти белого снега, который странно контрастировал с чернотой гари и почерневшего металла.

И в центре всего этого хаоса, метрах в ста от нее, пылало и рвалось огнем адское зарево. Горел один из двигателей или, что более вероятно, центральная часть крыла с топливными баками. Багрово-оранжевое пламя, яростное и неуправляемое, вырывалось из груды обломков, озаряя всю поляну зловещим, пульсирующим светом и отбрасывая на снег гигантские, пляшущие тени. Воздух был густым и едким, пахло горелым керосином, расплавленным пластиком и чем-то еще, сладковатым и тошнотворным.

Тишина, которую она сначала приняла за абсолютную, была обманчива. Сквозь высокочастотный писк в ушах начали пробиваться другие звуки. Треск и шипение огня. Завывание ветра в обломках, похожее на стон гигантского зверя. И человеческие звуки. Не крики, не вопли — их время, видимо, прошло. Это были тихие, прерывистые, полные боли и недоумения стоны. Они доносились отовсюду: справа, слева, из-за груды покореженных сидений, из темноты за горящим крылом. Эти звуки были, пожалуй, страшнее любых криков. Они означали, что люди еще живы, но разбиты, искалечены и находятся в аду.

И тут паника, до этого момента дремавшая где-то на задворках сознания, подчиненная боли и шоку, накрыла ее с

новой, всесокрушающей силой. Она сжала ее горло ледяным обручем, выжала из легких воздух.

«Варя. Лера. Женька.»

Где они? Лежат ли они тоже здесь, в снегу, истекая кровью и замерзая? Может, та темная, неподвижная фигура в двадцати метрах — это одна из них? Или они все еще пристегнуты в своих креслах в той самой горячей грудке обломков?

Ей нужно было встать. Нужно было найти их. Помочь. Сейчас.

Мария, с силой преодолевая пронзительную боль в ребрах и спине, оттолкнулась руками от земли, пытаясь встать на колени. Ее ноги, тяжелые, ватные, почти чужие, на мгновение подчинились. Она даже успела сделать полшага, ее взгляд метнулся по сторонам, выискивая знакомые лица среди этого кошмара. И в этот момент ноги окончательно предали ее. Они вдруг стали абсолютно бесхребетными, лишенными костей и силы. Девушка не упала, а скорее осела, как подкошенная, обратно в снег, больно ударившись коленом о какой-то скрытый под снегом твердый предмет. Отчаяние, горькое и беспомощное, захлестнуло ее с такой силой, что на глаза навернулись горячие слезы. Она была беспомощна. Совершенно, абсолютно беспомощна. Все ее планирование, все ее контрольные списки, вся ее иллюзия управления собственной жизнью — все это рассыпалось в прах здесь, в этом ледяном аду, оставив ее одну, разбитую и испуганную, как ребенка.

Именно в этот момент ее слух, постепенно адаптируясь, уловил нечто новое. Не стоны, не треск огня, не вой ветра. Голоса.

Мужские голоса. Грубые, хриплые, лишенные всякой интонации, говорящие на незнакомом, гортанном языке. Ритм речи был отрывистым, жестким, полным каких-то щелкающих и хрипящих звуков. Это был не английский, не испанский, не французский — это был язык, который она никогда в жизни не слышала. И он звучал древним. Первобытным.

Сердце Маши заколотилось с такой бешеной силой, что ей показалось, его стук эхом разносится по всей поляне. Она замерла, вжавшись в снег, затаив дыхание, и медленно, с величайшей, животной осторожностью, приподняла голову, чтобы выглянуть из-за своего укрытия — огромного, почерневшего и обледеневшего куска алюминиевой обшивки, за которым ей, по несчастной случайности, посчастливилось упасть.

То, что она увидела, заставило ее кровь похолодеть в жилах.

Вдали, на фоне зловещего зарева горящих обломков, медленно двигались фигуры. Люди. Но такие, каких она видела разве что в учебниках по истории или в самых дорогих и детализированных исторических фильмах. Их было человек десять-пятнадцать. Они были одеты в длинные, до колен, кольчуги из темного, тускло поблескивающего в отблесках пламени металла. Поверх кольчуг у некоторых были надеты стеганные гамбезоны — плотные куртки, простеганные

параллельными строчками, местами порванные и запачканные. На головах у большинства были простые, конические железные шлемы, некоторые с наносниками, скрывающими верхнюю часть лица. В их руках были не автоматы и не пистолеты, а длинные, тяжелые копья с массивными наконечниками и широкие, прямые мечи в грубых кожаных ножнах. Они двигались не как спасатели, не бежали на помощь. Они шли медленно, осмотрительно, словно стая волков, обследующих новую, незнакомую территорию. Их силуэты, вырисовывающиеся на фоне адского пламени, казались призраками, явившимися из какой-то другой, жестокой и далекой эпохи.

Один из них, более рослый и широкоплечий, чем остальные, с плащом, наброшенным поверх кольчуги, резким, повелительным жестом что-то бросил своим спутникам. Его голос, низкий и властный, прокатился по полю, перекрывая отдаленные стоны. И солдаты — а это, без сомнения, были солдаты — тут же, с отлаженной дисциплиной, разбрелись в разные стороны. Они начали методично, без всякой суеты, осматривать место катастрофы: подходили к лежащим телам, переворачивали их грубыми, небрежными движениями, проверяли, приложив руку к шее, есть ли пульс.

Кто они? Почему они здесь? Откуда они взялись в этой глуши, одетые как средневековые воины? В голове у Маши, несмотря на боль и шок, пронеслись обрывки знаний из университетского курса по выживанию: отдаленные общи-

ны, секты, военизированные формирования... Но эти... Они выглядели слишком аутентично. Слишком реально.

Ее размышления прервало движение. Один из солдат, невысокий, но коренастый, с угрюмым, обветренным лицом, которое она разглядела, когда он на мгновение повернулся к огню, начал приближаться к ее укрытию. Он шел не спеша, с привычной усталостью, тыча острием своего длинного копья в груды тряпья, в сугробы, в темные промежутки между обломками. Его путь, судя по всему, лежал прямо к тому месту, где лежала Маша, прижавшись к холодному металлу.

Паника, острая, холодная и абсолютно животная, пронзила ее насквозь. Что делать? Лежать и притворяться мертвой? Но он уже переворачивал тела. Он подойдет, перевернет ее, и все... Бежать? Она едва могла пошевелиться. Ее тело было одним сплошным синяком. Оставался только один вариант. Примитивный, отчаянный, но единственный.

Ее взгляд, лихорадочно скользя по земле, упал на объект, лежащий почти у самой ее руки, частично присыпанный снегом. Это была толстая, полубогоревшая ветка, отломанная, вероятно, от какого-то дерева при падении самолета. Она была длиной почти в метра полтора-два, тяжелой, с обугленным, заостренным концом. Настоящая дубина.

Инстинкт самосохранения, древний и неумолимый, сжал все ее существо, вытеснив и боль, и страх, и отчаяние. Оставалась только ясная, холодная цель — выжить. Медленно, с величайшей осторожностью, стараясь не производить ни

малейшего шума и не шевелить снег, она протянула руку. Пальцы, почти онемевшие от холода, сомкнулись на шершавой, обледеневшей древесине. Рукоять была неровной, с сучками, но она лежала в руке удивительно уверенно. Маша притянула свою импровизированную дубину к себе, прижалась спиной к холодному, спасительному обломку фюзеляжа, сжала деревяшку в обеих все еще дрожащих руках и затаилась, превратившись в слух и зрение.

Она заставила себя дышать медленно и бесшумно, короткими, мелкими глотками ледяного воздуха. Шаги приближались. Ритмичные, тяжелые, утопающие в снегу. Хруст... хруст... хруст... Тень от солдата, длинная и уродливая в свете пожара, уже легла на снег прямо перед ней, покачиваясь в такт его шагам. Он был уже совсем близко. Еще пара шагов — и он обогнет обломок и увидит ее.

Мария не шевелилась. Весь ее мир, некогда такой просторный и предсказуемый, сжался до размеров небольшого пространства за почерневшим обломком фюзеляжа, до ритмичного, неумолимого хруста снега под тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Она вжалась в холодный, обледеневший металл так сильно, что, казалось, могла бы просочиться сквозь него, стать его частью, невидимой и неуязвимой. Пальцы, сведенные судорогой и холодом, так и не отпускали шершавую, обугленную дубину, впиваясь в нее так, что сучья воткнулись в ладони. В ушах стоял оглушительный, высокочастотный звон, смешанный с бешеным, гулким сту-

ком собственного сердца, которое колотилось где-то в горле, угрожая выпрыгнуть. Мысли, логика, анализ — все это испарилось, остался лишь чистый, неразбавленный, животный ужас и единственная, выжженная в сознании примитивная команда: «Не двигаться. Не шуметь. Стать невидимкой».

Вот тень остановилась. Солдат был уже так близко, что она не только слышала его хриплое, размеренное дыхание, но и чувствовала легкий запах — смесь пота, кожи и дыма, исходящий от него. Слышала тихий скрип и лязг колец кольчуги при его движении. Вот он сделал еще один, решающий шаг. Еще полшага, одно неверное движение — и его взгляд, наверняка привыкший к смерти и страданиям, упадет на нее, замерзшую, испуганную, беспомощную. Маша инстинктивно зажмурилась, готовясь к худшему, ее пальцы с новой силой сжали дубину, и она мысленно уже заносила ее для отчаянного, бесполезного, но последнего удара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.